

Кронер Р., Бубнов Н., Мелис Г., Гессен С., Степун Ф. О мессии. Эссе по философии культуры / сост., послесл., примеч. А. А. Ермичев; пер. с нем. А. А. Ермичева [и др.]. СПб.: Издательство христианской гуманитарной академии, 2010. 192 с.

Сборник эссе по философии культуры «О мессии» поистине уникален. И уникальность его заключается не только в том, что он впервые опубликован на русском языке и доступен русскому читателю. Главная его ценность состоит в том, что это небольшое по размеру, но не по значению издание стало свидетельством зарождающейся в России начала XX века философии культуры.

Хотя мы и говорим об интернациональном составе авторов сборника, большинство, а именно трое из пяти, — русские философы, ставшие впоследствии известными европейскими мыслителями. Кроме присутствия русских авторов непосредственная связь книги с Россией определена и содержательно: составитель особо выделяет соотношенность тем и их раскрытие с мистическим характером загадочной русской души. Значимость этого сборника подчеркивает и такая интересная деталь, что Г. Риккерт и В. Виндельбанд, философы с мировым именем, одобрили эту затею и приложили некоторые усилия для того, чтобы он увидел свет. Необходимо, конечно, также указать и на основной историко-философский контекст появления сборника эссе «О мессии»: он стал предшественником, подготовил почву для возникновения журнала по философии культуры «Логос», издававшегося впоследствии в России, Германии, Италии.

Главный вопрос, который объединяет всех авторов, выведен в заголовок. В условиях идейных метаний и разрозненности, необходимо, по их мнению, найти путь к творческому синтезу. И мессианство как определенная идея или даже идеал — это и есть тот самый путь. Р. Кронер в первом эссе «Листок из дневника нашего времени» характеризует современность как некий переходный этап, связанный с переменами, ожиданиями и поиском. Материализм, который был долгое время ориентиром для человечества, давно уже себя изжил. Изжил, потому что скрывался за оболочкой всеобъемлющей собственной значимости и нужности. Человечеством было потеряно главное — духовная составляющая, вера в собственные силы, превратившаяся в самоуверенность и гордыню, перечеркнула веру в жизнь, дух. Вышедшее из некоторого оцепенения общество ждет теперь и одновременно с этим боится давно назревших перемен. Каким оно будет, это новое время? Существует множество различных альтернатив... Кто станет посланником этого времени? И этот вопрос тоже открыт... Отметим, что автор однозначно отвергает здесь ницшеанские идеи, говоря, что не сила, но духовность и любовь должны управлять миром. В понятии «сверхчеловека» нет ничего божественного, напротив, здесь мы снова видим торжество материализма. Итак, Ницше не мессия. Но тогда, кто же он, мессия?

Для Н. Бубнова проблема разложения и упадка некогда единого поля культуры тоже становится лейтмотивом его размышлений. В своем эссе «Фихте» он пишет о духовном тупике общества, который одновременно

является и наказанием, и надеждой на лучшее. Во все времена подобные пограничные ситуации сопровождалось ожиданием чего-то грандиозного и невообразимого, может быть даже в какой-то мере мистического. Он уверен, что к жизни возрождается мессианская идея. Ожидание мессии — вот что заботит человечество более всего. С ним связаны надежды на лучшую жизнь, может быть даже и не в этом мире. Мы видим воплощение этой идеи в еврействе, христианстве. Под разными обликами является нам эта идея в истории. Одно остается неизменным — посланник должен собрать воедино всю ту духовность, которая была утеряна человечеством. Н. Бубнов видит подобную силу мессианского слова в творчестве Фихте. Исторический процесс, по Фихте, заключается в постепенном переходе от веры к разуму, от торжества религиозного сознания к торжеству науки. В личности ученого мы угадываем черты провидца, который, в отличие от религиозного, связан с чувственным миром, действительностью. Трансцендентный мир религиозного сознания не может быть познан, понят так, как может быть понят и почувствован мир научного сознания. Истина находится там, где она может быть постигнута. Поэтому мессианская идея не должна иметь ничего общего с религией. И если здесь мы говорим о вере, то только о вере в науку. Понятая таким образом мессианская идея имеет функциональный характер, так как уже здесь, в этой жизни, а не в ином посмертном мире, делаются попытки достичь того духовного единства, о котором говорилось в начале. Вполне закономерным в данном дискурсе кажется вопрос, кто же должен стать проводником мессианской идеи в нашем земном мире? Не личность, но народ, немецкий народ — такой ответ мы находим у русского мыслителя. Приводимые аргументы вполне просты и понятны, хотя, на наш взгляд, и не бесспорны.

Выбранную линию размышлений продолжает и Г. Мелис в эссе «Конт». Здесь мы также можем увидеть и трудный переходный этап в жизни общества, культурный тупик, когда так необычайно громко начинает звучать мессианская идея. Человечество готово и хочет услышать ее. Однако роль проводника мессианской идеи на этот раз уготована О. Конту. У Конта, как и у Фихте, понятие мессианства связано не с религией, а с наукой. Потерянный идеал, который должен служить ориентиром для духовной жизни человечества, он видит в позитивизме. Более того, его идеи звучат более абсолютистски, нежели у Фихте, который допускал синтез религии и науки в жизни общества. По Конту, на смену традиционной церкви, а значит и веры, должна прийти церковь (и вера) позитивистская. А кто же будет избранным народом? Конечно, французы...

Не составляет большого труда также догадаться, что С. Гессен в своем эссе с одноименным названием в роли проповедника видит Герцена. Герцен здесь предстает перед нами как очень противоречивая личность, чужой среди своих, свой среди чужих, он не стал по настоящему ни западником, ни славянофилом. Разочаровавшись в идеях западничества, убедившись в упадничестве основ демократии и республики, Герцен обращает свои взоры на социализм. Причем социализм у него приобретает черты некоего мессианского движения. Воплотить социализм в жизнь призван, по Герцену, русский народ, который становится носителем мессианской идеи. Следует отметить, что мессианство у Герцена — с мистическим «привкусом», и это роднит его со многими философами того времени, рассуждавшими о русской идее и избранности русского народа. В обоснованиях его, почему же именно русский народ избран для исполнения великой миссии

освобождения, есть что-то недосказанное, иррациональное, то, что можно прочувствовать только на ментальном уровне. В слабости России, утверждает Герцен, заключается ее сила, в умении, заимствуя что-то новое, сохранять свою индивидуальность.

В завершающем сборник эссе «Соловьев» Ф. Степун продолжает размышлять над тем, что есть мессианская идея. Стоит отметить, что философская позиция В. Соловьева представлена здесь в компаративистском анализе с позицией панславистов. Последние, как приверженцы так называемого русского романтизма, говорили об исторической избранности России. Однако идеал «русскости» для себя они находили не в современности, а в той Древней Руси, не обремененной еще какими-либо связями с Западной Европой. Эта самобытность, по их мнению, есть необходимый живительный эликсир духовности для умирающей Европы. Соловьев также говорит о своеобразии и уникальности исторической задачи России, однако избранность, по его мнению, не должна рождать гордыню, ведь она состоит в смиренном служении всему человечеству. Мессианизм Соловьева направлен не вспять, а только вперед, к будущим свершениям. Российский народ обладает уникальной и мощной синтезирующей силой, которая включает в себя и индивидуальное, и коллективное начало. Каждое из этих начал по отдельности несет в себе разрушительный заряд. И только их единение способно породить утерянную духовность человечества.

Именно таким образом видят молодые авторы идею мессианства. Настойчиво и «задиристо» отстаивают они свою позицию. В главной роли каждый из них видит разные личности и разные народы, но многое авторов и объединяет, например абсолютное неприятие ницшеанских идей или признание наметившегося кризиса духовности. Затрагиваются важные мировоззренческие вопросы: что нам считать мессианством? Кто должен найти выход из культурного кризиса? Однако, на наш взгляд, в ряду понятий «мессианство», «миссия», «мессия», «мессианская идея» пропущено не менее важное понятие миссионерства. Фихте, Конта, Герцена, Соловьева мы можем назвать миссионерами, проповедующими духовное возрождения человечества и продвигающими идею великого творческого синтеза.

Кроме «исторической» части, то есть непосредственно эссе, сборник содержит в себе чрезвычайно интересную подборку воспоминаний и статей, оформленных в виде приложения. Так, здесь мы видим фрагменты из книг Ф. А. Степуна «Бывшее и несбывшееся», «Об "Исторических записках" М. О. Гершензона» П. Б. Струве, статьи Д. В. Философова «О Фрейбурге и журнале «Логос» и Ф. А. Степуна «Два Гейдельберга». Это позволяет нам наиболее полно представить себе исторические события, сопутствовавшие не только изданию данного сборника и журнала «Логос», но и получить дополнительные сведения об университетской жизни Германии начала XX века.

К несомненным достоинствам издания следует отнести довольно объемные примечания. Они являются прямым продолжением основной части книги, содержат краткие справки по авторам эссе и многочисленные справочные материалы, некоторые из которых впервые вводятся в оборот отечественной философской мысли.

*В. Н. Белов
Т. Ю. Панкова*